

Из жизни отдыхающих

В московской мастерской Натальи Нестеровой в мансарде особняка на Старом Арбате картин не увидишь. Холсты, штук тридцать, не меньше, аккуратными штабелями развернуты лицом к стене. Мольберт гол. На небольшом столике рядом с ним горой возвышаются тюбики с краской. Полупустые, помятые и залапанные отпечатками пальцев до такой степени, что этикеток не разглядишь, и цвет у всех один — грязно-серый. Если бы Нестерова, как другой позднесоветский классик Илья Кабаков, работала в жанре инсталляции на тему неказистого русского быта, это был бы готовый экспонат. Но она в век новых форм и технологий верна классической фигуративной живописи, и гора красок вызывает вопрос: как

Художница
Наталья Нестерова
рисует праздных
людей — и так
стала классиком
современного
искусства.

найти нужный оттенок? «Трудновато, — смеется художница, недавно отметившая семидесятилетний юбилей. — Если с ходу найти не получается, беру первый, что под руку попадется. Вот это краски моей ученицы, — Наталья Игоревна показывает на аккуратные ряды тюбиков

на полу. — Но я так не могу, терпения не хватает».

В ее картинах можно найти отголоски примитивиста Пирсманни, сюрреалиста Рене Магритта и фовиста Дерена, но при этом их все равно ни с кем и ни с чем не спутаешь. Порывистая, кладущая краску на холст так густо и щедро, что некоторые ее полотна больше похожи на гипсовые рельефы, Нестерова без малого полвека в слегка гротескной манере рисует людей, предающихся праздности. Ее герои играют в бадминтон, серсо и чехарду, качаются на качелях, читают у кромки моря, гуляют по парку, валяются в гамаке, режутся в карты, едят устриц. Или просто сидят за столом, на котором нет ничего, кроме пары гранатов, — ее «Трапеза» 1969 года была «Тайной вечерей» эпохи воинствующего атеизма. >

«БУКЕТ РОЗ»,
ХОЛСТ, МАСЛО, 1881.
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
РУССКИЙ МУЗЕЙ,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

В 1970-е, когда обласканные властью художники прославляли передовиков производства, а нонконформисты изобретали концептуальное искусство, Нестерова дружила и с теми, и с другими (власть считала ее достаточно лояльной, а диссиденты — в меру оппозиционной), а делала то, что хотела сама: «Неинтересно мне труд изображать. Я предпочитаю рисовать отдых человеческий, расслабление и приятность. А этот сюжет постоянно повторяется: что человек обычно делает — ест, спит, гуляет, играет в шахматы. Зимой друг подарил билеты на конкурс — получилась целая серия про лошадей, мы ее весной в Москве показывали. А летом летали в Баку, жили в прекрасной старой гостинице в номере с огромным балконом: ласточки вокруг башни летают, Каспий, корабль... Вот вам и источники вдохновения».

Сейчас узкий коридор в мастерской Нестеровой заставлен стеллажами с сотнями карточных колод всех эпох и национальностей. Увлечение художницы игрой вылилось в начале 2000-х в целую серию работ, герои которых облеплены картами, как мумии бинтами. «Раскладывать пасьянс, читать, думать — это даже не отдых, а образ жизни», — говорит художница, окидывая взглядом стол, на котором и сейчас теснятся карты, книги, статуэтки. — Папа мой уве-

кался альпинизмом и меня пытался в горы затащить, но из-за проблем с сердцем меня не пустили. И до сих пор мне наверху некомфортно. Хотя, когда сын Лева маленький был, мы с ним в Гурзуфе каждый вечер на гору забирались и смотрели, как заходит солнце, кораблики плавают. Вернулась тогда в Москву как тростинка».

Любить Рембрандта и Матисса и держать кисть Наталью научил дедушка, художник-сезаннист Николай Нестеров. Бабушка была учительницей литературы, мама с папой — архитекторы. Сразу после Суриковского института Нестерову приняли в члены Союза художников, не запрещали, не притесняли, наоборот, время от времени давали премию

«Лучшая картина года». Что это были за работы и награды, художница не помнит: «Я не ходила их получать. А вот на «Триумфе» в начале 1990-х была. Но мы с Людмилой Петрушевской сначала смеха ради поменялись дипломами, а потом дома я отломала статуэтку от постамента. Вон, даже стигматы остались, — Нестерова показывает мне ладони. — Ну не нравился мне этот эльф золотой! Лева потом нашел его в помойке, а знакомый скульптор два месяца пытался его приварить, говорил, что сломать это было нереально».

Ее картины хранятся в музее Гуггенхайма и Русском музее, в Вашингтоне, Кельне и Пекине. Ретроспектива в Третьяковке, приуроченная к предыдущему юбилею, вызвала фурор. Любящая семья, успешная карьера, статус живого классика — почему же во многих работах Нестеровой нет даже взгляда глаза в глаза, а есть бездна одиночества и безысходности? «Живопись — это выплескивание мыслей. Стараюсь, чтобы она не была тягостной, но иногда получаются и грустные работы. Так уж сложилось: у французов искусство легкое, праздничное, а у нас — бурлаки».

Она подходит к штабелям холстов и откуда-то из глубин вытаскивает картину: по воде, взявши за руки, уходит молодая пара, на первом плане к ней тянутся руки утопающего.

«ЛИЦА I (Я ВАС ЛЮБЛЮ)»,
ХОЛСТ, МАСЛО,
1999–2000, ЧАСТНОЕ
СОБРАНИЕ, НЬЮ-ЙОРК.

Сверху по часовой стрелке:
«СЕЗОН УСТРИЦ», 2013;
«КАМЕЛИИ», 2010; «ОТБИВАЮЩИЙСЯ ОТ СТРЕКОЗ», 2001,
ЧАСТНОЕ СОБРАНИЕ, ОШ;
ВСЕ ХОЛСТ, МАСЛО.

«Это родители. А я без них. Маме всегда было ужасно интересно, что я делаю, а это очень важно, когда вас кто-то поддерживает. У нас в семье не было случайных знакомств. Мама с папой учились на одном курсе и после развода общались до конца жизни. Леня (бывший муж – художник Леонид Писарев) учился на три курса старше меня. Мы дружим до сих пор, потому что смотрим на мир одними глазами. А семейная жизнь – это другое, ее с карьерой художника сложно совместить. Не хочу я думать о котлетах. И Левку я обижала маленького. Мне было двадцать два, все гуляли, были молодежные выставки, а мне мама звонит: «Лева плачет». Нет, дети для художников – это ужас нечеловеческий. Почему мало женщин в искусстве? Мозги у нас другие, плюс быть».

«Арт-объекты – это хорошо, но дома хочется окружить себя картинами, а не конструкци- ями из мусора».

онер, я открывала записную книжку и предлагала: обязательно сходите к этому и к этому. А американцы мне сказали: здесь так не принято».

Манхэттен она любит за Центральный парк, на который выходят окна ее квартиры, веселую толпу и за метро, где поезд ждет пассажира, а не «стремится прихлопнуть ему ногу или хвост». К молодому искусству относится с интересом: «Мне нравится, когда я не понимаю, как это сделано. Правда, сейчас художники идут

от ума, а не от чувств. А я иду от снов, книг, того, что вижу вокруг. И в музее бегу к залам Ренессанса, а в книжном шкафу выбираю Монтеня. Впрочем, и у современных художников некоторые работы крепко запоминаются. Болгарин Христо Явшев, знаменитый тем, что обернул Рейхстаг серебристой тканью, несколько лет назад расставил по Центральному парку ворота с оранжевыми полотнищами. Как будто ты на празднике в Китае. Они меня терзали, и это хорошо».

Не хотела ли она когда-нибудь попробовать себя в новом жанре? «У меня бабушка строгая была, учila держать себя в руках. И я, найдя свою манеру, всегда старалась быть ей верной». Подтверждение тому – новая московская выставка «Воспоминания об уходящем лете» в UVS Art Gallery на Покровке: несколько десятков работ последних лет. Официанты подают устриц и спаржу, юноша выпускает из клетки птиц, прогулки в саду, посиделки на террасе... «Инсталляции, арт-объекты – да, любопытно, – рассуждает Нестерова. – Но человек всегда нуждался в изображении, и дома он окружает себя картинами, а не конструкциями из мусора». Осталось лишь найти нужный тюбик с краской. Анна Федина

С конца 1980-х Нестерова живет между Нью-Йорком и Москвой, проводя время от времени пару месяцев в Париже: «Году в 1986-м прилетели американские галерейщики, у которых был свой список актуальных художников: Володя Могилевский, Кабаков... А Минкульт пригнал их ко мне в мастерскую. Американцы приехали злые, но посмотрели – оттали и завалили предложениями о выставках, – смеется Нестерова. – Правда, в Америке все друзья вдруг стали друг другу конкурентами. Когда ко мне в Москве приходил коллекци-